

Если настоящие сильные духом люди — это те, кто бежит, глотая слёзы, то что делать тому, кто, остановившись, хочет лишь плакать, но не находит места, где можно было бы дать волю чувствам?

Гао Ту молча ронял слёзы. Его хрупкие плечи едва заметно дрожали, словно последний упрямый лист на холодном ветру. Несмотря на тусклый свет, Сэн Шаою казалось, что катящиеся по щекам Гао Ту слёзы прозрачны до пугающего, до боли в сердце.

Наконец Сэн Шаою шагнул вперёд и, не говоря ни слова, протянул руки, заключая это мелко дрожащее тело в свои объятия.

Эти объятия полностью укрыли Гао Ту. Сэн Шаою слегка прижался подбородком к его макушке, обхватив руками худую спину. Он сжимал его крепко, словно выстраивая неприступную крепость, пытаясь защитить от всего, что пыталось поглотить Гао Ту целиком.

Гао Ту давно не плакал так навзрыд. Он хотел взять себя в руки, но слёзные железы больше не подчинялись ему. Он был похож на человека, который долго нёс в руках тяжелую, но прозрачную тайну, невидимую для других. Он балансировал на грани, боясь в любой момент уронить её и разбить вдребезги.

Но Сэн Шаою всё увидел. Он не стал тратить слова, а просто подставил ладони, бережно подхватив его.

Вся стойкость, весь жизненный опыт, вся решимость, мужество и бессонные ночи Гао Ту — всё это в одночасье рассыпалось. Силы, с которыми он держался, внезапно иссякли.

Гао Ту сжал пальцы, вцепившись в одежду Сэн Шаою, и позволил слезам пропитать его плечо. Словно ледник, встретивший тёплое течение, его упрямые острые углы могли лишь растаять.

То, что он нёс в руках, оказалось не хрупким стеклом, а дождевыми каплями, которые можно поймать.

То, что его пугало, оказалось не падающей звездой, а крыльями, которые могли коснуться земли.

В конце концов, Гао Ту перестал о чём-либо заботиться. В этой временной бреші, здесь и сейчас, божество даровало ему иное озарение:

То, что хлынуло наружу, было весной и приливом, годами скованными в заточении.

То, что открылось его взору, был он сам и целый мир, которыми он годами пренебрегал.

Сэн Шаою ждал, пока Гао Ту не начал терять сознание от изнеможения, и лишь тогда провёл костяшками пальцев по его мокрым щекам:

— Гао Ту, если будешь плакать дальше, завтра твои глаза опухнут так, что ты дороги не увидишь.

Гао Ту всхлипнул:

— ...Я не хочу... но... остановиться не могу...

— Тогда просто смотри на меня. Гао Ту, видишь? Я собираюсь стать лесорубом.

— ... — Гао Ту молчал, в его взгляде читалось недоумение.

— Твоя рубашка скоро станет морем, хоть выжимай. Сейчас я пойду срублю самый толстый дуб — такой, где годовые кольца похожи на спиральное печенье, а ствол величественнее римской колонны! А потом сколочу из него большой деревянный корабль. Ты сядешь на него, и, кто знает, может, даже наловишь рыбы в том Тихом океане, который ты наплакал!

Гао Ту хотел рассмеяться, но стоило уголкам губ дрогнуть, как смех превратился в рыдание. Он нелогично пробормотал:

— Кто... кто просил тебя... лезть в мои дела...

— Ну, виноват, — легко согласился Сэн Шаою, в голосе которого послышалась едва уловимая улыбка. — Гао Ту, раз уж заговорили о рыбе, у тебя дома есть что поесть? Я проголодался.

Гао Ту поднял свои покрасневшие, как у кролика, глаза:

— Ты... ты что хочешь съесть?

— Тушёного Гао Ту? — поддразнил его Сэн Шаою. — Какие деликатесы у тебя есть, что ты позволяешь мне выбирать меню?

Гао Ту забыл о слезах и изо всех сил задумался:

— Лапша... быстрого приготовления.

— Пойдёт. Жизнь коротка, давай сразу две порции.

Сэн Шаою лишь хотел занять Гао Ту делом, чтобы тот не погрузился в эмоциональный крах. Кто же знал, что Гао Ту, одурманенный слезами, даже не поймёт этого, вытрет слёзы, приведёт Сэн Шаою домой, проводит его внутрь и проворно сварит лапшу.

Гао Ту уступил ему кровать, а сам поставил в гостиной простую раскладушку. Сэн Шаою не стал спорить и, как гость, последовал воле хозяина.

Ночь была глубокой. Весь город постепенно погружался в сон, и в тихом воздухе разливалась прохлада.

В маленькой квартирке всё было как на ладони. Сэн Шаою слышал, как за стеной Гао Ту во сне иногда обиженно вздыхал, а затем снова проваливался в крепкий сон.

Взгляд Сэн Шаою вырвался из оков последних огней, и мысли унеслись в Шаньнань, в тот год, когда ему было тринадцать.

Тоже была летняя ночь, но стоило оказаться в той бескрайней пустыне, как прохлада превратилась в пронизывающий холод, присущий лишь высокогорью.

Днём в Шаньнани чётко видна снеговая линия и величественные пики — это место ближе всего к небу. Но ночью, сбросив мягкую маску, горы обнажали свой истинный, почти жестокий лик.

Холодный ветер, словно нож, полосовал лицо Сэн Шаою, причиняя боль.

Небосвод был глубокого чернильно-синего цвета, редкие звёзды мерцали, словно окоченев от мороза.

Днём, гуляя, они слышали от местных: если до восхода солнца принести в храм на склоне горы самую ценную вещь, семь раз подряд совершить подношение и семь ночей провести в молитве, то желание непременно сбудется.

Воспитание Сэн Шаою и воспоминания о шумных городских улицах никак не вязались с этим суровым высокогорьем.

Он высокомерно хмыкнул и сказал Гао Ту:

— Как здешние боги могут покровительствовать пришлым, что заглянули помолиться лишь на время?

— Су Нянь, спасибо, что поехала со мной в Шаньнань, но как мне смириться? Я отдала этому мужчине всю себя, сердце разбито, а теперь выясняется, что он мне совершенно чужой. Когда я заболела и переехала на остров Фэн, он сказал, что это ради моего отдыха, а на деле лишь освободил место, чтобы приводить туда одну за другой новых девиц. Если бы не Шаою, который ещё мал...

Наступила ночь. Вероятно, решив, что дети спят, мать Сэн Шаою и мать Гао Ту шептались о сокровенном.

Сэн Шаою никогда не знал этого. Он верил, что отец любит мать и оставался верен ей даже после того, как разбогател. Даже эта поездка в Шаньнань была организована отцом — он потратил немало сил, чтобы зафрахтовать самолёт.

Но мать неподалёку говорила:

— Мы поклялись перед священной горой, когда встретились здесь. Ему уже всё равно, он не хочет дожидаться даже моей смерти. Нет ничего переменчивее человеческого сердца. Я из последних сил приехала сюда, чтобы разорвать эту связь. Не хочу встретить его в следующей жизни, от него веет лишь неудачей...

Подслушав разговор матери, Сэн Шаою, всё ещё избалованный мальчишка, вдоволь наплакался, а потом, не разбирая дороги, побежал к храму. Он был легко одет и быстро заблудился. Он уже почти смирился со своей судьбой, когда увидел Гао Ту.

Гао Ту пробирался по каменистой тропе, то и дело спотыкаясь, и звал: Сэн Шаою! Фонарь в его руке раскачивался, чертя в безграничной тьме крошечный круг дрожащего света.

Когда он подошёл ближе, Сэн Шаою смущённо отвернулся:

— Зачем ты пошёл за мной? Здесь темно, говорят, водятся дикие волки.

Гао Ту протянул ему одежду, голос его звучал хрипло:

— Я не боюсь.

Две фигуры в бескрайней высокогорной ночи сначала казались крошечными точками, но постепенно сблизились и, прижавшись друг к другу, продолжили путь.

Мир огромен, люди в нём ничтожны, как муравьи, но упрямы, как скалы.

Маленький храм был низким и обветшалым. Стоило толкнуть скрипучую деревянную дверь, как в нос ударил запах старого топленого масла и пыли.

Статуя Будды безмолвно восседала на лотосовом троне, её лицо в тусклом свете фонаря казалось то милосердным, то расплывчатым.

Они зажгли лампаду и опустились на колени на холодный пол. Сэн Шаою почтительно положил перед алтарём свою любимую ручку и сложил руки:

— Милосердный Бодхисаттва, — его голос дрожал от искреннего благоговения и мольбы, — прошу, защити мою маму...

Гао Ту тоже склонился вслед за ним, прижавшись лбом к ледяному полу.

— Ты молчишь, просто кланяешься — что это значит? Как Бодхисаттва узнает, о чём ты просишь? — капризно спросил Сэн Шаою.

— Бодхисаттва, прошу, услышь слова Сэн Шаою... Тётя — самый лучший человек, пожалуйста, пусть она поправится...

— Разве так просят? Ты как перекупщик какой-то!

— Я... — Гао Ту беспокойно придвинулся ближе, — Вы... вы защитите мою тётю, пусть она выздоровеет...

Снаружи выл ветер, а внутри двое мальчишек безмолвно читали сложные сутры.

Тонкий фитилёк лампы подрагивал, отбрасывая на пятнистые стены длинные тени молящихся подростков, словно безмолвный обет.

Ветер в Шаньнане неистовствовал. Гао Ту, упрямо сопровождавший Сэн Шаою, на третий день доверил храму свою самую большую тайну. Он боялся, что если что-то скроет, это сочтут неискренностью в глазах Будды, и это помешает исполнению желания Сэн Шаою.

В последнюю ночь молитв Сэн Шаою спросил Гао Ту:

— Интересно, покровительствуют ли здешние боги пришлым, что заглянули помолиться лишь на время...

Гао Ту, чьи колени уже распухли от долгих молитв, твёрдо ответил:

— Покровительствуют. Искренность рождает ответ.

Для Сэн Шаою Шаньнань стал символом мирового холода — именно оттуда он вернулся в Цзянху, и вскоре после этого его мать скончалась.

Распутная жизнь Сэн Фана и его внебрачные дети, которых хватило бы, чтобы заполнить целую реку, стали главной темой для сплетен и насмешек на похоронах матери Сэн Шаою.

Кроме букета фрезий, любимых цветов матери, который принесла мать Гао Ту, всё остальное Сэн Шаою разбил вдребезги — включая Сэн Шаоцина, пришедшего засвидетельствовать почтение перед гробом.

Вскоре после этого Сэн Фан отправил его за границу, где он оставался до тех пор, пока отцу не понадобились способности Сэн Шаою.

Сэн Шаою думал, что похоронил в Шаньнане последнюю частицу своей мягкости и нежности. С тех пор в его мире остался лишь хладнокровный, ненавидящий всё вокруг Сэн Шаою, играющий людскими судьбами.

Когда он встретил Гао Ту в больнице Хэцы, то сразу узнал его.

Они перекинулись парой фраз, обнялись — встреча старых друзей, но сдержанная, как подобает взрослым.

Если что-то и осталось в его душе, так это любопытство. Сэн Шаою поручил Чэнь Пиньмину

узнать, как живёт Гао Ту, и выяснил, что последние десять лет тот работал на его давнего конкурента.

На этом всё и должно было закончиться.

Юность прошла, теперь каждый взрослый должен заботиться о себе сам. Сэн Шаою не хотел никого обременять.

Но когда он услышал от Ай Хэна, что Чан Юй из группы X забрал личного секретаря Шэнь Вэньлана прямо у дверей Цзичжоу, он заколебался.

Он вспомнил маленького Гао Ту, который с краской стыда признавался, что он Омега; вспомнил, как тот, будучи хрупким и слабым, семь ночей молился вместе с ним; вспомнил, как после его резких слов у Гао Ту блеснули глаза, когда он говорил: Искренность рождает ответ...

Сэн Шаою знал о его одиночестве в юности — та поездка в Шаньнань была лишь удачей его отца-игрока, который внезапно расщедрился и дал сыну денег, чтобы тот съездил на остров Фэн навестить сестру, жившую у матери.

Изучив досье Гао Ту, он понял, что тот всю жизнь был лишён опоры. Старый знакомый, спотыкаясь, катился по жизни: смерть тёти Су Нянь в автокатастрофе, болезнь Гао Цин, вечно проигрывающийся в пух и прах Гао Мин... А главное — он всё ещё продолжал принимать подавители феромонов.

Сэн Шаою не понимал, зачем Гао Ту продолжает эту маскировку, но спустя столько лет, даже после того как они покинули Шаньнань, Гао Ту оставался самой драгоценной мягкостью в его жизни.

<http://bllate.org/book/19429/1902866>